

ИВАН ИЛЬИН: БЫТЬ ВЕРНЫМ РОССИИ

(К 1030-ЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ)

Михаил Степанович Иванов

доктор богословия
заслуженный профессор Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
mpda@yandex.ru

Для цитирования: *Иванов М. С.* Иван Ильин: Быть верным России. К 1030-летию Крещения Руси // Вопросы богословия. 2019. Т. 1. № 1. С. 94–101 doi: 10.31802/2658-7491-2019-1-1-94–101

Аннотация

УДК 1(091):008(47)

Статья приурочена к 1030-летию Крещения Руси. Глубокие и проникновенные размышления о жизни и судьбе русского народа и его Родине, запечатлённых благодатью святого Крещения, мы находим у известного русского философа и общественно-го деятеля Ивана Ильина. Обращает на себя внимание то, что Ильин призывает рассматривать последствия Крещения Руси не только и не столько «историческим зрением», сколько «любовью и верой». В таком

контексте русский философ успешно решает такие сложные проблемы, как феномен русской духовности и культуры, особенности русского характера, восприятие русским человеком своей Родины как дорогого ему Отечества, соотношение патриотизма, национализма и интернационализма, уникальность Родины и уникальность личности и т. п. Все эти размышления И. Ильина проникнуты его глубокой любовью к России и верностью дорогой его сердцу Отчизне.

Ключевые слова: И. А. Ильин, Крещение Руси, патриотизм, Россия, Родина, Православие, национализм.

Крещение Руси — это, несомненно, очень большое событие и большой праздник. Подобно крещению отдельного человека, умирающего в купели для греха и возрождающегося для жизни во Христе, Крещение русского народа — это его вступление на совершенно новый путь жизни и развития. Об этом событии, открывшем для Руси принципиально новые цивилизационные возможности, написано очень много. Свои размышления, связанные с Крещением Руси и дальнейшей жизнью русского народа, осенённого благодатью святого Крещения, предлагает и известный русский философ и религиозный мыслитель Иван Ильин.

Весьма важной особенностью этих размышлений является то, что Ильин видит последствия всемирно-исторического события, совершившегося на его родине, не столько «историческим зрением», сколько, как он отмечает, — «любовью и верою»¹. Более того, он приглашает читателя «найти её [Россию — *М. И.*] в себе и найти в своей душе то место, от которого он [т. е. верный своей родине — *М. И.*] мог бы ныне же заткать новую ткань своей жизни как ткань её [России — *М. И.*] жизни»². Россия, как замечает в этой связи И. Ильин, — «живая тайна: ею можно жить, о ней можно вздыхать... и, не постигая её, блюсти её в себе и благодарить Творца за это счастье...»³ Жизнь в этой тайне может осуществиться лишь тогда, когда мы станем участниками того духовного и культурного богатства, которое творчески было унаследовано Древней Русью со времени её Крещения. Это наследие Руси, как отмечает Ильин, «не есть... [(её — *М. И.*), почётное кладбище, не есть только музей... [её — *М. И.*] лучших свершений...»⁴ «Духовная культура... живёт и творится и в нас..., [её — *М. И.*] сынах, связанных со своей родиной любовью, молитвой и творчеством»⁵. Этому творческому процессу, по замечанию Ильина, благоприятствуют даже бескрайние просторы, какими «Россия одарила нас»⁶. Просторы раскрывают наши души и дают им «широту, вольность и лёгкость, каких нет у других народов. Русскому духу при-

1 Ильин И. А. О России. Три речи 1926–1933 // Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. М. 1996. С. 8.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же.

5 Там же.

6 Там же. С. 9.

суща духовная свобода, внутренняя ширь, осязание неизведанных, небывалых возможностей. Мы родимся с этой внутренней свободой, мы дышим ею, мы от природы несём её в себе — и все её дары, и все её опасности»⁷. Говоря об опасностях, какие подстерегают русского человека, Ильин отмечает, что культурный творческий процесс — это не вольная стихия, не управляемая никакими формами и нормами. Он заявляет решительно и однозначно: духовной культуры нет без дисциплины. Поэтому душа русского человека, склонная к раздолью, должна глубоко осознавать и свою данность, и свою заданность. «Дисциплина, — пишет он, — есть наше великое задание, наше призвание и предназначение. Духовная свобода дана нам от природы; духовное оформление задано нам от Бога»⁸. Форма, оформление у Ильина — это отнюдь не проявление формализма. «Что есть форма?» — ставит вопрос он сам и отвечает: «Грань в пространстве, мера и ритм во времени, воля, закон и долг в жизни, обряд в религии»⁹. Свойственные, как полагает философ, русскому национальному характеру колебания «между слабостью и героизмом» преодолеваются только тогда, когда «свобода и дисциплина» становятся «живым единством»¹⁰. Без свободы дисциплина «мертва и унижительна», а «свобода без дисциплины есть соблазн и разрушение»¹¹.

Размышляя о любви к России, Ильин не упускает из виду одну чрезвычайную особенность христианства, согласно которой любовь к человеку должна простираться на всех людей, ибо во Христе «нет ни эллина, ни иудея, ни... варвара, скифа, раба, свободного...» (Кол. 3, 11). «Все люди всех стран и народов, — пишет Ильин, — имеют единого Небесного Отца и призваны, став перед Его лицом, искренно и последовательно признавать своё вселенское братство»¹². С этим философ безусловно согласен. Однако даёт ли это повод утверждать, «что христианин рождён быть гражданином вселенной»¹³ и поэтому никакой другой родины ему не нужно? Против такого утверждения Ильин решительно возражает, хотя и знает о существовании противоположных взглядов, согласно которым «высшее призвание его [человека — М. И.] состоит в том, чтобы отвергнуть всякие условные деления людей: по сословиям, странам, классам, национальностям,

7 Там же.

8 Там же.

9 Там же.

10 Там же. С. 10.

11 Там же.

12 *Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Почему мы верим в Россию: Сочинения. М., 2006. С. 229.*

13 Там же.

расам и т. д. Все эти перегородки должны пасть в душе христианина, а в этом падении сокрушится и деление человечества на различные “родины” и “отечества”... Разве человечество, с христианской точки зрения, не есть братская община, каждый член которой рождён для веры и добрых дел и потому имеет неотъемлемое право получить внешнюю свободу и воспользоваться ею для внутреннего самоосвобождения?»¹⁴ — вопрошают противники признания Родины как высшей ценности. «Словом — разве христианин не рождён для интернационализма? Разве он имеет основание серьёзно и последовательно говорить о различных национальностях, причислять себя к одной из них и служить ей преимущественно или даже исключительно? Нет, патриотизм и национализм решительного несовместимы с духом христианства... Отечество христианина на земле — Вселенная, и христианин не имеет права иметь сверх того или наряду с этим ещё особую, земную родину, любить её, строить её и бороться за неё с решимостью и мужеством...»¹⁵ Рассуждающие таким образом «подтачивают, — по замечанию Ильина, — начала “родины” и “национализма”»¹⁶. В их рядах могут оказаться люди разных взглядов и убеждений. Среди них можно встретить даже отдельных христиан, которые рассуждают вроде бы и искренно, «хотя, — как отмечает философ, — поверхностно»¹⁷. Однако «множество людей... подтачивают начало “родины” и “национализма”, — как считает Ильин, — из побуждений нигилистических»¹⁸. Современный ему мир, по наблюдениям философа, в постреволюционные годы всё более «пронизывался» интернационалистическими идеями, согласно которым одни считали принцип национал-патриотизма «устаревшим» и «реакционным», а потому не заслуживающим поддержки; другие отвергали «этот принцип последовательно и агрессивно, считая его по существу «вредным и нетерпимым предрассудком»¹⁹. Такие настроения, зародившиеся уже в XIX веке, привели к возникновению целых объединений, которые, по Ильину, «поставили себе задачу “преодолеть” и “устранить” национальные языки и заменить их единым, искусственно выдуманном “синтетическим” языком (например, эсперанто)»²⁰. В это же время получили широкое распространение рабочие интернационалы, ру-

14 Там же.

15 Там же. С. 229–230.

16 Там же. С. 230.

17 Там же.

18 Там же.

19 Там же. С. 230.

20 Там же.

ководствовавшие «Коммунистическим интернационалом» Карла Маркса, провозгласившего: «Рабочие не имеют родины»²¹.

Секулярному пониманию родины, называемому Ильиным «нигилистическим», философ не уделяет большого внимания. Для него важно другое: как объяснить тем христианам, которые мыслят о национализме и патриотизме, по выражению философа, «поверхностно» и ошибочно полагают, что «патриотизм и национализм решительно несовместимы с духом христианства»²² — как объяснить им всю значимость таких понятий, как «Родина», «Отечество», «патриотизм»? Сначала Ильин анализирует упрощённый ответ на этот вопрос, который сводится к тому, что «патриотическое настроение» вызвано, как выражается философ, «инстинктивной необходимостью и эмпирической целесообразностью»²³. В этом ответе выявляет себя «жизненно-бытовая польза патриотизма»²⁴. «Условия расстояний, климат, расы, хозяйства, государственного управления и законов, языка и обычая, вкусов и душевного уклада действуют на людей различающе и обособляюще... и человечеству приходится просто принимать эти условия жизни и приспосабливаться к ним... Психологически говоря, в основе всего этого лежит, конечно, инстинкт самосохранения... [Человек — М. И.] вынужден примкнуть к одной... хорошо организованной группе и искать у неё, именно у неё и только у неё обороны, помощи и суда. А примкнуть к одной группе значит противопоставить себя остальным»²⁵. Однако «жизненно-бытовая польза» не является основой подлинного патриотизма. Хотя «природа и история» диктуют нам свои условия, настоящий патриотизм, по Ильину, имеет глубокие духовные корни. Поэтому нам необходимо, как отмечает философ, «вскрыть духовную и религиозную правоту патриотизма»²⁶. Раскрывая эту тему, Ильин обращается к христианским вероучительным истокам. Он, естественно, знает, что христиане не имеют «здесь [т. е. на земле — М. И.] постоянного града, но... [ищут — М. И.] будущего (Евр. 13, 14) и что «наше жительство — на небесах, откуда мы ожидаем Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа» (Фил. 3, 20). Но это не упраздняет уникальности Родины в жизни христианина. Эта уникальность в определённом смысле соотносится с уникальностью самой человеческой личности, сотворённой по образу Бо-

21 Там же. С. 240.

22 Там же. С. 229.

23 Там же. С. 234.

24 Там же. С. 232.

25 Там же. С. 232–233.

26 Там же. С. 234.

жую. При всём том, что природа человека носит общечеловеческий характер, его личность неповторима. Неповторимой для подлинного патриота становится и его Родина. Как уникальность личности, называемая иногда «инаковостью», не изолирует человека от общения с окружающими людьми, так и уникальность той страны, которая является его Родиной, не является для него препятствием к общению с гражданами других стран. Более того, осознание неповторимости и значимости своей Родины делает это общение более осмысленным и глубоким. Что же касается идеи, которая призывает, по выражению Ильина, «сделать всех людей одинаковыми во всех отношениях и подчинить их единой всеведущей и всеорганизующей власти... [То эта — М. И.] идея бредовая, больная и потому она не заслуживает серьёзного опровержения»²⁷.

Вскрывая духовные корни патриотизма, Ильин отмечает, что окружающие человека предметы и явления познаются по-разному: одни — с помощью зрения, другие — с помощью слуха. Но «есть, — пишет философ, — такие предметы, которые могут быть восприняты, пережиты и приобретены только любовью... К таким предметам принадлежит и Родина»²⁸. Правда, оговаривается Ильин, «с человеком, у которого нет реального, живого опыта в этой сфере, который никогда не ощущал сердцем, что есть для него Родина, трудно было бы даже беседовать на эту тему»²⁹. Такой опыт Ильин называет «патриотическим». Приобретается он по-разному. У одних он возникает «инстинктивно, естественно и незаметно», поскольку они «привыкают к окружающей их среде, к природе, к соседям и культуре своей страны, к быту своего народа»³⁰. Такой патриотизм философ не осуждает и даже воспринимает его в известном смысле положительно. Однако при этом отмечает, что «духовная сущность» (такого — М. И.) патриотизма остаётся почти всегда за порогом сознания». С «бессознательным» патриотизмом человек может спокойно жить «в мирное время, в эпохи спокойного быта». Когда же для его Родины наступают времена испытаний, он может загореться «слепой и противоразумной страстью», что чревато для него необдуманными поступками. В такие моменты вместо подлинной любви к родине в его сердце может загореться «странная и опасная смесь из воинственного шовинизма и тупого национального самомнения»³¹.

27 Там же. С. 232.

28 Там же. С. 234.

29 Там же.

30 Там же.

31 Там же. С. 235–236.

Патриотизм, по выражению Ильина, должен быть «духовно осмыслен» и «христиански облагорожен» и должен совмещать любовь и жертвенность, проявляемые к Родине, «с мудрым трезвением и чувством меры». Критикуя «слепо-инстинктивный» патриотизм, философ при этом признаёт силу и значение инстинкта «в отношении» к «Родине» и «нации». «Нельзя человеку жить на земле без инстинкта, — заявляет он со всей определённой, — без этой таинственно-целесообразной, органически мудрой, бессмысленно-страстной силы, от Бога дарованной и от природы нам присущей... В здоровой жизни человека, — продолжает он, — инстинкт и дух вообще не оторваны друг от друга, но степень их примирённости, взаимной согласованности и взаимного проникновения бывает неодинакова. Инстинкт, не приемлющий духа, — слеп, самоволен, безудержен и чаще всего порочен... Дух, не приемлющий инстинкта, — подорван в своей силе, теоретичен, бесплоден и чаще всего нежизненен... Инстинкт и дух призваны к взаимному приятию: так, чтобы инстинкт получил правоту и форму духовности, а дух получил творческую силу инстинктивности. Так и в патриотизме. Патриотизм есть любовь — не просто “предпочтение”, “склонность” или “привычка”. И если эта любовь — не “пустое слово” и не “поза”, то она есть инстинктивная прилепленность к родному. Поэтому, — заключает Ильин, — патриотизм всегда инстинктивен. Но он не всегда духовен. И то, что должно быть достигнуто, есть взаимное проникновение инстинкта и духа в обращении к Родине»³². Если этого не происходит, то создаётся странная ситуация: человек многие годы живёт в своём государстве, но своей Родиной его не ощущает. В его душе рождается своего рода патриотическое сиротство и духовная беспочвенность. Такого «сироту» Ильин называет «безродным», то есть человеком без Родины. По наблюдениям Ильина, таких людей в современном мире немало. Они «не могут любить свою Родину потому, что инстинкт их живёт лично-эгоистическим или эгоистически-классовым интересом, а духовного органа они лишены. И вот идея Родины ничего не говорит их душе. Идея Родины предполагает в человеке живое начало духовности. Родина есть нечто от духа и для духа, а в них — духа нет; он или безмолвствует, или мёртв... Орган духа атрофирован в них; как же они могут найти и полюбить Родину?»³³

Понятие «Родина», по Ильину, не сводится только к территории, на которой человек живёт, к климату, к которому он привык, к на-

32 Там же. С. 238–239.

33 Там же. С. 239–240.

родным обычаям и к национальным традициям своего народа. «Ни одно из этих условий жизни, взятое само по себе, не может указать человеку его Родину, ибо Родина, — не устаёт повторять Ильин, — есть нечто от духа и для духа»³⁴. В другом месте он пишет: «Не кровь сама по себе решает вопрос о Родине, а кровь как воплотительница и носительница духовной традиции»³⁵.

Процесс воспитания в себе любви к Родине может идти разными путями. На одного преобразующее воздействие в этом процессе оказывает природа его страны; другой проникается любовью к искусству своего народа, третий преклоняется перед мужеством и жертвенностью сынов и дочерей своего Отечества, четвёртый осмысление патриотизма черпает из религиозных истоков народной веры и т. п. «Патриотизм у человека науки будет иной, чем у крестьянина, у священника, у художника... имея единую Родину, все они будут иметь её — и инстинктом, и духом, и любовью и всё же — каждый по-своему. Но человек духовно мёртвый не будет иметь её совсем»³⁶, потому что «Родина, — заключает Ильин, — есть духовная реальность»³⁷. При этом подлинный патриот воспринимает свою личную жизнь и жизнь его Родины как «нечто единое» и «отождествляет... свою судьбу с... судьбой своего народа»³⁸. Об этом единстве философ пишет в одной из своих работ, представляющих собой, как отмечает комментатор его сочинений Ю. Т. Лисица, «лирико-философские размышления... о человеке»³⁹. Для Ильина любовь к Родине — это естественное чувство. «Да и как может быть иначе?»⁴⁰ — вопрошает он, уподобляя при этом человека «древу», питающемуся «соками жизни» своей родной земли. Далее философ начертывает настоящий гимн подлинного патриотизма. Он пишет:

«Всякий истинный патриот говорит (молча) своему народу: “Я — твой. Я из лона духа и плоти твоей. Во мне пылает тот же дух, что и в моих предках... Вдох груди моей — твой вздох; стенаешь ты — стенает и он. Я крепок твоей силой... Я с тобой связан неразделимым “мы”... Твой язык — это и мой язык... Я живу с тобой, я созерцаю и думаю как ты... Со скрытой болью в сердце думаю я о твоих слабостях,

34 Там же. С. 242.

35 Там же. С. 246.

36 Там же. С. 254.

37 Там же. С. 248.

38 Там же. С. 256–257.

39 Лисица Ю. Т. Комментарии // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 8. М., 1998. С. 567.

40 Ильин И. А. Взгляд вдаль. Книга размышлений и упований // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 8. М., 1998. С. 352.

твоих несовершенствах... Твои друзья — это и мои друзья... Тебе принадлежит моя жизнь, а мне принадлежит твоя земля... Ты выносила меня в своё чреве, сберегла и воспитала; за то, что ты родила и одарила меня, я в смирении и благодарении признаю тебя и, оставаясь верным тебе, свободно вбираю тебя в своё сердце. Мы — одно целое; мы — живое тождество...»⁴¹.

Было бы ошибочно, как замечает Ильин, усматривать в этих словах проявление «национального высокомерия», поскольку «высокомерие — это не любовь... это — заносчивость»⁴². В своих работах философ неоднократно возвращается к теме патриотизма, проводя при этом строгое различие между национализмом истинным и ложным. Национальное чувство может быть как здоровым и правильным, так и «больным и извращённым». Оно не приходит к человеку само по себе. Воспитание национального самосознания — это трудный и длительный процесс. Его описанию Ильин уделяет в своих работах большое внимание, замечая при этом, что для такого описания у него есть все основания. Он вырос в «пространстве и природной данности» своего народа и наслаждался «ею до 39 лет своей жизни». «Я, — пишет философ, — знаю творческий акт моего народа и живу в нём как человек и учёный; я знаю, как мой народ любит и верует, созерцает и обдумывает, работает и голодает, страдает и смеётся... Всю свою жизнь изучал я историю моего народа, его историческую борьбу, его страдания, его проблемы, оценку его прошлого и колыбель его будущего»⁴³.

Национальное самосознание в России развивалось и укреплялось под знаком Православия, которое, как отмечает Ильин, сообщило нам, по слову Пушкина, «особенный национальный характер» и внушило нам идею «святой Руси». Святая Русь — это не страна, «совершенная в своей добродетели». Такое наименование она получила благодаря своей верности Православию. «В течение веков, — пишет Ильин, — Православие считалось отличительной чертой русскости»⁴⁴. Это ограждало русского человека от национального самодовольства и опасного чувства исключительности, при наличии которых подлинный национализм может превратиться в свою противоположность, то есть в шовинизм, разжигающий национальную ненависть и вражду и называемый сегодня «пещерным» национализмом. «Националь-

41 Там же. С. 359–360.

42 Там же. С. 360.

43 Ильин И. А. О Русской культуре // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. М., 1996. С. 374–375.

44 Ильин И. А. Наши задачи. Т. 1. М., 1992. С. 284.

ное высокомерие, — пишет Ильин, — проистекает из самоупоения, которое держит народы, словно в тисках. Однажды проявившись, оно черпает свои силы из... инстинкта самосохранения и инстинкта тщеславия. Инстинкт самосохранения придаёт национальному высокомерию особый размах и даёт пищу для притязаний. Инстинкт тщеславия извращает его ценностные представления и возносит его к гордыне. Вследствие чего начинается громадная переоценка себя и недооценка других... Отсюда — специфическое незнание других народов, отсутствие взаимопонимания, нагромождение иллюзий и дипломатических промашек... которые крепчают и растут» сегодня⁴⁵.

Пророчески предвидя осложнение международной обстановки, Ильин призывает подлинных патриотов России не быть пассивными наблюдателями происходящих событий, не просто «пережить этот трудный период во что бы то ни стало»⁴⁶, а проявить всю свою верность, преданность и честь в деле служения дорогой Отчизне и защиты её государственных, национальных, религиозных, духовных и культурных ценностей.

Библиография

Источники

- Ильин И. А.* Наши задачи. Т. 1. М.: МП «Рарог», 1992.
- Ильин И. А.* О России. Три речи 1926–1933 // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. М.: Русская книга, 1996. С. 7–34.
- Ильин И. А.* О Русской культуре // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. М.: Русская книга, 1996. С. 372–620.
- Ильин И. А.* Взгляд вдаль. Книга размышлений и упований // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 8. М.: Русская книга, 1998. С. 343–564.
- Ильин И. А.* Родина и мы // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 9–10. М.: Русская книга, 1999. С. 331–278.
- Ильин И. А.* Путь духовного обновления // Ильин И. А. Почему мы верим в Россию: Сочинения. М.: Эксмо, 2006. С. 123–374.

Литература

- Лисица Ю. Т. Комментарии // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 8. М.: Русская книга, 1998. С. 565–572.

45 *Ильин И. А.* Взгляд вдаль. Книга размышлений и упований // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 8. М., 1998. С. 362–363.

46 *Ильин И. А.* Родина и мы // Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 9–10. М, 1999. С. 259.

Ivan Ilyin: To be Faithful to Russia A Tribute to the 1030 anniversary of the Christianization of Rus

Mikhail I. Ivanov

Doctor of Theology

Professor Emeritus of Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

mpda@yandex.ru

For citation: “Ivan Ilyin: To be Faithful to Russia. A Tribute to the 1030 anniversary of the Christianization of Rus”. *Theological Questions*, vol. 1, no. 1, 2019, pp. 94–101. (In Russian) doi: 10.31802/2658-7491-2019-1-1-94–101

Abstract

Ivan Ilyin, Russia's famous philosopher and public figure, is known for his well-thought ideas concerning life and ways of the Christian Russian people. Ilyin suggests that the impact of adoption of the Christian faith by the medieval Rus must be evaluated not only by “a historical thought”, but also by “love and faith”. This approach helps Ilyin to deal with so complex issues as Russian spirituality and culture, special features of the Russian mindset, Russians' attitude to their native land, relations between patriotism, nationalism and internationalism, uniqueness of the native land versus the uniqueness of the human person, etc.

Keywords: Ivan Ilyin, Christianization of Rus, patriotism, Orthodox Christianity, nationalism.

References

- Lisitsa Iu. T. Kommentarii* [Comments] *Sobranie sochineniï* [Collected Works], by I. A. Ilyin, vol. 8, Moscow, Russkaia kniga, 1998, pp. 565–572. (In Russian)
- Il'in, I. A. *Nashi zadachi*. [Our Tasks. Papers 1948–1954]. Vol. 1, Moscow, Rarog, 1992. (In Russian)
- O Rossii. Tri rechi 1926–1933 [About Russia. Three Speeches 1926–1933]. *Sobranie sochineniï* [Collected Works], by I. A. Il'in, vol. 6, Moscow, Russkaia kniga, 1996, pp. 7–34. (In Russian)
- O Russkoï kul'ture [About Russian culture]. *Sobranie sochineniï* [Collected Works], by I. A. Il'in, vol. 6, Moscow, Russkaia kniga, 1996, pp. 372–620. (In Russian)
- Vzgljad vdal'. Kniga razmyshleniï i upovaniï [Looking into the Distance. The Book of Reflection and Hope]. *Sobranie sochineniï* [Collected Works], by I. A. Il'in, vol. 8, Moscow, Russkaia kniga, 1998, pp. 343–564. (In Russian)
- Rodina i my [Motherland and Us]. *Sobranie sochineniï* [Collected Works], by I. A. Il'in, vol. 9–10, Moscow, Russkaia kniga, 1999, pp. 331–278. (In Russian)
- Put' dukhovnogo obnoveniia [The Path of Spiritual Renewal]. *Pochemu my verim v Rossiïu: Sochineniia* [Why We Believe in Russia: Works], by I. A. Il'in, Moscow, Èksmo, 2006, pp. 123–374. (In Russian)